

КРАЙ СВЕТА В ЦЕНТРЕ АЗИИ: БАРНАУЛ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ЗАЛЫГИНА «ПОСЛЕ БУРИ»*

А.И. Куляпин

Ключевые слова: художественное пространство, миф, символ, мотив, геопоэтика.

Keywords: artistic space, myth, symbol, motif, geopoetics.

DOI 10.14258/filichel(2023)4-12

В первом романе С. Залыгина «Тропы Алтая» (1962), по верному замечанию О.А. Скубач: «Мир Алтайских гор ... являет собой пространство не столько реальное, сколько метафизическое. Именно Алтай служит в произведении тем топосом испытания, который дает человеку возможность внутреннего преобразования, он ставит человека в ситуацию пограничную, в подлинном значении — экзистенциальную, способствует самопознанию и перерождению» [Скубач, 2012, с. 17].

В последнем романе писателя «После бури» (1982–1985) метафизическим пространством является город. Барнаул и река Обь, на которой он стоит, предстают в романе сразу под двумя именами: собственно как «Барнаул» и «Обь», но преимущественно как «Аул» и «Река». Показательно, что, миновав «Аул», «Река» тут же превращается в Обь: *«Город стоял на высоченном берегу огромной жесткостального цвета реки, известной всему свету своим притяжением и могуществом, но эта известность жителям Аула была ни к чему, они ее не знали и никогда не называли реку по ее всемирно известному имени, называли просто — Рекой»* (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 233)¹.

Образы города и реки раздваиваются, подобно тому как раздваивается образ главного героя романа — Петра Васильевича (он же Николаевич) Корнилова. Главной приметой постреволюционного времени, по наблюдению одного из персонажей Залыгина, становится потеря имен: *«Да ведь это же нынче повальный грех — чужие имена! Свои-то у кого?»*

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по тексту издания: Залыгин С. После бури. М., 1986.

Ни у кого своих! Все перемешалось...» (с. 65). Имена теряют не только люди, но и географические объекты.

Замена реального Барнаула на вымышленный Аул призвана подчеркнуть переход из географического в мифогеографическое пространство. Действие романа разворачивается в экзистенциальном хронотопе: аульцы обитают *«на границе между быть и не быть»* (с. 23). «Река», протекающая по границе двух миров, разумеется, приобретает особую символическую роль: *«Левый берег, высокий и крутой повсюду, а в месте, где основан был город Аул, высокий и крутой особенно, не назывался никак, не было в лексиконе аульских жителей такого названия, как “Эта Сторона”, но “Та Сторона” была, существовала в неизменности, изо дня в день, из века в век, открываясь взгляду со многих аульских улиц и переулков. <...>*

На Той Стороне другой был воздух — синий, туманный.

На Той Стороне другое было Солнце, оно всходило там неярким, иногда едва различимым, но красивым кругом...» (с. 234).

В мифопоэтической модели мира *«...кроме пространства, существует еще непространство, воплощением которого является Хаос»* [Топоров, 1983, с. 239]. Аульская «Та Сторона» это и есть типичный пример такого «непространства»: *«Не земля и не вода, не лес, не луг, не болото, а все это вместе и от всего понемногу...»*; *«Та Сторона казалась чем-то потусторонним, миром иным, неведомым»*; *«На Той Стороне событий нет, не может быть»* (с. 235, 237).

Существование по соседству с «миром иным» кардинально меняет ментальность аульцев: *«Так вот — было, было что-то общее между географией местности и людьми, которые здесь обитали, потому что нельзя и нельзя миновать людям сознания, что рядом, ежедневно видимая, начинается уже Та Сторона, необъятный простор и восток мира, и что ты живешь как раз на грани, на рубеже, на самом краешке земли Этой.*

Может быть, как раз из такого именно сознания и происходило в аульских, во всех окрестных жителях, почти что полное отсутствие страха смерти... Не то чтобы они смерти совсем не боялись — побаивались, но редко, от случая к случаю, обычно же они смерть презирали, покойников своих отпевали и хоронили на скорую руку, могильных памятников не любили, подолгу могилы не помнили, зато любили то ли в драках, то ли в охоте на зверя со смертью поиграть, побаловаться...» (с. 235).

В сказках и мифах основная функция реки — служить «границей царства живых и мертвых» [Пропп, 1998, с. 347]. При этом переправа через

водную преграду «осмысляется как наиболее ответственная и опасная часть пути в иной мир, связанная со смертельным риском и испытаниями, результат которых не предрешен заранее» [Топорков, 1995, с. 304].

Залыгин этнографически точно описывает на страницах романа «После бури» экзотические ритуалы аульцев, любимейший из них — смертельно опасная переправа через «Реку» на «Тот Свет»: «...каждый год без исключения, в мирный год или в военный, находились парни и взрослые, уже семейные мужики, они во время буйного ледохода на спор переходили Реку с этого берега на тот, на Тот Свет и обратно с Того Света. <...>

Иные артисты — а это именно артисты были с великим и редкостным даром отваги — не возвращались, уходили в Реку навсегда...» (с. 236).

Главный герой романа Петр Корнилов «ощущение собственной роли, собственной значимости» основывает на убеждении, что он — «и есть тот человек, который, как никто другой, воплощает в себе конец человечества...», поэтому его руководящая мысль — это «мысль о конце света» (с. 443).

Самое страшное воспоминание белогвардейского капитана Корнилова о Гражданской войне относится к ноябрю 1918 г., когда сорок пять тысяч мужчин, женщин и детей должны были переправиться по понтонному мосту через Каму: «...это агония, а на правом берегу все еще тысячи людей, и вот они теряют разум и вот, топча друг друга и детей, бросаются на мост... Мост не выдерживает» (с. 434). После этой губительной переправы Гражданская война для Корнилова кончилась: «Он воевал еще долгое-долгое время, но это уже был апокалипсис, который властно увлек его за собой» (с. 434). Даже десятилетие спустя Корнилов вновь и вновь будет возвращаться к преследующему его кошмарному видению: «Ну как же, помню, помню: ночь... темь... река... лед... Переправа через Каму — вот что! Одним словом, конец света!» (с. 443).

Трагедия на Каме вписана автором в рамки исторического процесса как выражение чудовищной сути братоубийственной войны 1918–1922 гг. В Ауле время «беспредельное» (с. 305), здесь «Река... лед... переправа... уход навсегда в Реку» — это не уникальное историческое событие, но звенья ежегодно повторяющегося ритуала. Проведя в Ауле, на границе с «миром иным» несколько лет, Корнилов проникается мироощущением аульцев. «...Мы ведь привыкли жить перед концом света, право привыкли», — резюмирует он (с. 574).

Залыгин искусно обыгрывает факты из реальной истории Барнаула, превращая их в элементы геопоэтического мифа. Как известно, строи-

тельство барнаульского железнодорожного моста через Обь началось за год до начала Первой мировой войны, а движение по нему было открыто в 1915 г., когда боевые действия были уже в разгаре. Писатель придает и без того знаковому событию мистический смысл. Мост через «Реку» — это *«огромный, красивый и чуждый здесь предмет, как будто бы даже нечеловеческой силой, вопреки вечному порядку вещей, соединивший Ту и эту Стороны»* (с. 239). Связав Ту и эту Стороны, мост открыл путь для вторжения в мир города сил хаоса и смерти: *«Вечность, была нарушена, а с этим нарушением аульский житель связывал, может быть не без резона, все последующие события: войну мировую, войну гражданскую, военный коммунизм и даже нынешний нэп...»* (с. 238–239).

Цивилизация проникла в Аул, что парадоксально, с Востока, а не с Запада, как следовало ожидать: *«Железная дорога пришла в Аул тому назад лет десять, пришла опять-таки не с этой, а с Той Стороны, пересекла мостом Реку...»* (с. 235). Своеобразие залыгинского Аула в том, что это *«Европа в Азии»* и *«Азия в Европе»* (с. 304). Здесь двадцатый век соседствует со Средневековьем. Хрупкий баланс сил был нарушен в богатом на революционные потрясения 1917 г., конца у которого *«так и не было, разве что по календарю, но никак не по событиям»* (с. 220).

Надежда на осуществимость евразийского синтеза сторела в огне катастрофического пожара, который учинил в Барнауле-Ауле главный городской брандмейстер: *«Быть бы Аулу городом почти европейского облика, но брандмейстер постарался, подпихнул город в Азию...»* (с. 239). Впрочем, само название города указывало на неизбежность победы азиатчины, и вполне естественно, что песчаные барханы, подступающие к Аулу, — это *«некоторое и не столь уж отдаленное подобие пустыни Каракумы»* (с. 23].

Аульско-барнаульский пожар — символическое отражение «мирового пожара», о котором грезил русский мыслители-революционеры, например теоретик анархизма Михаил Бакунин. В изложении Николая Бердяева сущность бакунинской идеи сводится к призыву разжечь «мировой пожар»: *«Бакунину принадлежат знаменательные слова: страсть к разрушению есть творческая страсть. Нужно зажечь мировой пожар, нужно разрушить старый мир. На пепелище старого мира, на его развалинах возникает сам собой новый, лучший мир»* [Бердяев, 1971, с. 151]. Самые знаменитые строчки о мировом пожаре, без сомнения, принадлежат Александру Блоку: *«Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови — / Господи, благослови!»* (Александр Блок. Двенадцать. 1960. С. 351]. Залыгин, откликаясь именно на бло-

ковское «Господи, благослови», отказывается признать мировой пожар «очистительным или божественным», ибо никакого «нового лучшего мира» на развалинах старого не возникает (с. 46). Автор задается вопросом, к чему ведут всевозможные катаклизмы: «К чему приближаются род человеческий? К обновлению или к пороку сердца? К вырождению и к склерозу? К “бывшести”?» (с. 85). Вопрос, конечно, риторический, ведь мотив вырождения пронизывает всю ткань романа «После бури».

Залыгин активно использует в книге экзистенциалистскую категорию «бывшесть», которая, по Хайдеггеру, «возникает известным образом из будущего» [Хайдеггер, 1997, с. 326]. «Бывшесть — это особое качество мироощущения, присущее людям, которые пережили самих себя, которые реально существуют в ставшем почти нереальностью прошлом и, напротив, воспринимают настоящее как нечто нереальное. “Бывшие” — уже побывавшие на “Той” стороне: главным в них “было ощущение причастности к миру уже прожитому, минувшему, бывшему...”» — поясняют в статье «Между быть и не быть. Натурфилософский роман: опыт прочтения» смысл этого понятия Светлана и Владимир Пискуновы [Пискунова, Пискунов, 1986, с. 244].

Аул, названный в романе «*щелью, до отказа набитая “бывшими”*» (с. 199), — это место предельной концентрации «бывшести», город, минимум дважды уничтоженный.

В свое время Аул был «горнорудной столицей Западной Сибири и многие столичные замашки приобрел незамедлительно» (с. 242). Бывшая столица серебра первый раз приходит в упадок из-за недостатка топлива: «И серебро плавил тот завод, и монету чеканил, и многие другие совершал изделия, покуда не истощил вокруг себя лесные запасы. <...> нужны были дрова, дров же не стало, и обессилел завод, и покинут был мастеровым людом» (с. 72).

Второй раз город гибнет по причине массовой пиромании. Жизнь некоего Парамона из Шестого Зайчанского переулка подчинена строгому распорядку: три года он соорудил «отменные, экономные на дрова печи», «на год же четвертый “свободничал”: пил водку, а купеческие магазины жег огнем, прекрасно зная и это дело» (с. 237). Другой персонаж романа Костя Петушок «трижды самоподжогом занимался, чтобы заготовку не сдавать, налог не платить, а поймать его с поличным ну никак было нельзя» (с. 153). На этом фоне явлению брандмейстера-поджигателя удивляться не приходится, а попытка «бывших» организовать «страховое от огня общество» утопична (с. 47).

В Ауле хранится «единственная в мире “Книга Ужасов”» (с. 282). Город, расположенный на «границе двух миров — известного и неизвест-

ного» (с. 235), самое подходящее место для ее хранения. После того как автор «Книги» *«окончательно сходит с ума»* (с. 282), Корнилов *«закопал ее в землю в городе Ауле и до сих пор не знает, что это было — сохранность или потеря?»* (с. 458).

Залыгинская «Книга Ужасов» — близкий аналог «Книги грехов» из рассказа М. Горького «Ледоход» (1912) и «Жалобной книги» из пьесы Е. Шварца «Дракон» (1943).

Центральный эпизод рассказа Горького — смертельно опасная переправа артели плотников через реку во время ледохода. Для них это настоящий «подвиг». Аульские же смельчаки превратили такого рода хождение по движущемуся льду в ежегодный ритуал. Причем причины, толкающие героев Горького и Залыгина на риск, абсолютно разные.

Рассказ «Ледоход» *«является по-настоящему пасхальным»* [Каскина, 2018, с. 33]. Описанные в нем события приурочены к кануну Светлого Воскресения. *«Отрезало нас от праздника»*, — сетует один из плотников (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 28). *«В баньку надобно, на церковную службу хочется, как мы христиане»*, — объясняет околдочному «затейщик» всему делу Осип (там же, с. 39). В контексте сакрального времени происходит сказочное преобразование героев — *«первейший лентяй артели»* Осип вдруг показал себя *«воеводой-человеком»* (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 19, 37).

«Основной идеей пасхального рассказа, — указывает Т.Н. Козина, — становится преобразование жизни, уничтожение в себе “ветхого человека”, очищение от грехов» [Козина, 2019, с. 22]. Закономерно в этой связи, что проступки героев «Ледохода», записанные в «Книге грехов», аннулируются: *«— А книжка-то грехов наших, поди, вовсе размокла у тебя, пропала, а?»* — радуется Осип. — *«Эта книжка — точно кирпич за пазухой у меня; незаметно вынув, я швыряю ее далеко в реку, и она шлепается о темную воду, как лягушка»* (Максим Горький. Ледоход. 1951. С. 35, 36).

«Книга Ужасов» Залыгина, хоть и закопана, но не уничтожена. Корнилов неоднократно думает, не поехать ли в город Аул *«выкопать там из-под земли “Книгу Ужасов”, прочесть ее, а тогда и ужаснуться»* (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 525). Спустя полвека, на пороге ядерного апокалипсиса он даже собирается дополнить «Книгу» *«заключительной записью»* (с. 700).

В «Жалобной книге» Е. Шварца, как и в залыгинской «Книге Ужасов», *«записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно»* (Евгений Шварц. Жалобная книга. 2011. С. 485). Есть, впрочем, и разница. У «Жалобной книги» нет автора, но есть

читатели — странствующий рыцарь Ланцелот и «немногие другие», готовые «помочь тем, кому необходимо помочь», «и уничтожить тех, кого необходимо уничтожить» (там же, с. 406-407]. У «Книги Ужасов» есть автор — полубезумный буровой мастер Иван Ипполитович, но нет читателя. Хранитель «Книги» Корнилов так и не решится заглянуть в нее. Жаловаться уже некому, ждать помощи неоткуда, остается только ужасаться. И именно в Ауле можно особенно отчетливо понять, что «мир если и можно спасти, так только содрогнувшись его погибелью» (Сергей Залыгин. После бури. 1986. С. 88).

Правда, когда Нина Всеволодовна выражает надежду на то, что «наступит что-нибудь другое», «другой мир», Корнилов уточняет: «Конец света! Согласитесь со мной — конец. Вот что наступит!». И героиня соглашается с ним: «Ах, как хорошо!» (с. 571).

Роман Залыгина, «суммирующий мысли писателя о 1920-х годах», назван «После бури», «и не было бы тут ничего интригующего, — пишет Григорий Аросев, — если бы роман не был закончен в 1985 году, то есть фактически *перед* бурей, хоть и совсем другой. Общий тон повествования — вновь драматический, едва ли не эсхатологический. По тексту можно понять, что Залыгин предчувствует новую катастрофу, только не лично для себя. Автор не знает, когда грянет новая буря, но она неизбежна» [Аросев, 2013] (курсив мой. — А.К.).

Каждый новый виток истории действительно связан с ужасом и ожиданием конца не просто этапа истории, но конца света.

Библиографический список

Аросев Г.А. Избранник судьбы // Новый мир. 2013. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/12/izbrannik-sudby.html

Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971.

Козина Т.Н. Эволюция пасхального архетипа. Тамбов, 2019.

Каскина Ю.У. Способность к преобразению как черта русского национального характера (по рассказу М. Горького «Ледоход») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1.

Пискунова С., Пискунов В. Между быть и не быть. Натурфилософский роман: опыт прочтения // Новый мир. 1986. № 5.

Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Скубач О.А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. Барнаул, 2012. Т. 4.

Топорков А.Л. Переправа // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

Список источников

Блок А.А. Двенадцать // Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л., 1960. Т. 3.

Горький М. Ледоход // Горький М. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1951. Т. 11.

Залыгин С. После бури. М., 1986.

Шварц Е.Л. Обыкновенное чудо: пьесы, сказки. М., 2011.

References

Arosev G.A. *Izbrannik sud'by*. [The Chosen One of Fate]. In: *Novyy mir*. [New World]. 2013. No. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/12/izbrannik-sudby.html

Berdyayev N.A. *Russkaya ideya: Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka*. [Russian Idea: Main Problems of Russian Thought in the 19th Century and the Beginning of the 20th Century]. Paris, 1971.

Kozina T.N. *Evolyutsiya paskhal'nogo arkheta*. [The evolution of the Easter archetype]. Tambov, 2019.

Kaskina YU. U. *Sposobnost' k preobrazheniyu kak cherta russkogo natsional'nogo kharaktera (po rasskazu M. Gor'kogo «Ledokhod»)*. [The ability to transform as a feature of the Russian national character (according to the story of M. Gorky "Ice drift")]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State University]. 2018. Vol. 24. No. 1.

Piskunova S., Piskunov V. *Mezhd byt' i ne byt'. Naturfilosofskiy roman: opyt prochteniya*. [Between being and not being. Naturphilosophical novel: reading experience]. In: *Novyy mir*. [New World]. 1986. No. 5.

Propp V.YA. *Morfologiya «volshebnoy» skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki*. [Morphology of the "magic" fairy tale. The historical roots of fairy tales]. Moscow, 1998.

Skubach O. A. *Dva lika Altaya v literature 1950–1960-kh gg.* [Two faces of Altai in the literature of the 1950s–1960s]. In: *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv. Antologiya*. [The image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries.]. Anthology: in 5 vols. Vol. 4. Barnaul, 2012.

Toporkov A.L. *Pereprava*. [Crossing]. In: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1995.

Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst*. [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura*. [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983.

Heidegger M. *Bytiye i vremya*. [Being and time]. Moscow, 1997.

List of Sources

Blok A.A. *Dvenadtsat'*. [Twelve]. In: *Blok A. A. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. In 8 vols. Vol. 3. Moscow ; Leningrad, 1960.

Gor'kiy M. *Ledokhod*. [Ice drift]. In: *Gor'kiy M. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. In 30 vols. Vol. 11. Moscow, 1951.

Zalygin S. *Posle buri*. [After the storm]. Moscow, 1986.

Shvarts Ye.L. *Obyknovennoye chudo: p'yesy, skazki*. [Ordinary miracle: plays, fairy tales]. Moscow, 2011.